

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Анастасии Николаевны Кошечко
«Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского»,
представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Специальность 10.01.01 – русская литература

Внимание европейских литературоведов и философов к Достоевскому-«экзистенциалисту» или «предэкзистенциалисту» хорошо известно. Хрестоматийными стали обращения многих авторов, представляющих науку о литературе, критику, философию, аналитическую психологию, саму художественную словесность, к давно ставшему традиционным набору из образов Подпольного, Кириллова и Ивана Карамазова. Между тем, проблема, сформулированная в диссертации А.Н. Кошечко, очевидно относится к «вечным», т.е. к тем, которые можно эффектно разрешать, но никогда не исчерпать. Ясно, что смысловая перспектива, которую открывают, допустим, монолог Инквизитора или романная ситуация с «провонявшим старцем», потенциально бесконечна, и попытка исследователя сделать на этом пути свой уверенный шаг должна всемерно приветствоваться. В этом смысле при некотором традиционализме и ожидаемости заглавия со звучащими в нём словами «экзистенциализм» и «Достоевский» работа открывает немало новых рубежей в осмыслении наследия великого художника.

Стремясь четко обозначить свою исследовательскую позицию, диссертант соотносит два главных уровня понимания писателя как экзистенциалиста: *сознание* и *слово*. В сущности, сверхзадача всей работы заключается в поиске тех «локусов» в творчестве художника, в которых присущее ему экзистенциальное сознание текстуализируется. Преобразование *сознания* в знаковую репрезентацию отыскивается как на уровне художественного текста, так и в житнетворческих стратегиях Достоевского: в символике его поведенческих жестов, соматике, правилах семейной и социальной коммуникации. Этот массив привлеченных фактов, несомненно, выделяет работу на фоне современного достоевсковедения, уже на уровне источника сообщает ей **новизну** и отчетливо индивидуальное своеобразие. Система избранных А.Н. Кошечко методологических ориентиров позволяет почувствовать интенсивную теоретическую рефлекссию исследователя, в центре которой находятся, с одной стороны, классические, во

множестве работ сведенные к трюизмам, но с другой стороны – сохраняющие мощную объяснительную силу наблюдения М.М. Бахтина. Как мне показалось, наибольшее влияние на А.Н. Кошечко оказал тезис учёного о диалогической незавершенности слова – мысль, относящаяся не столько к лингвистике текста (хотя к ней, конечно же, в первую очередь), сколько к философии Достоевского, тому самому экзистенциальному сознанию. О плодотворном взаимодействии автора диссертации с идеями Бахтиным говорят и систематические ссылки на этапную в этом отношении книгу А.А. Казакова. Сторонясь всякой критической интонации, заметим, что целостный раздел, посвященный Бахтину, понимаемому в перспективе экзистенциального сознания, несомненно украсил бы работу. Мировое бахтиноведение могло бы предоставить для этого обильный материал. Ведь диалогизация слова, а также любого житнетворческого акта у Достоевского соотносится с парадигмальной в его христологической картине мира сценой из Евангелия, где описывались сорокадневный пост Христа в пустыне и диалог Богочеловека с дьяволом. Отказ от выгодного «контракта» и демонстрация феномена вечно незавершенной свободной воли – видимо, первая, до-экзистенциалистская демонстрация экзистенциального сознания в рамках еще полностью религиозной парадигмы. Росток личности нового типа, заявившей себя в этом сюжете, как кажется, прекрасно ощущался и Достоевским, и Бахтиным. Так или иначе, весьма удачные и интересные опыты теоретического самоопределения соискателя вписывают его диссертацию в **актуальный** контекст современной науки о Достоевском.

В первой главе исследования дан удачный опыт конкретизации всего используемого в работе аналитического инструментария, в котором главную роль играет понятие «экзистенциальное сознание». А.Н. Кошечко, в частности, справедливо настаивает на неадекватности отождествления «экзистенциалистского», т.е. относящегося к французской философской школе, и «экзистенциального» – нового типа сознания, которое у зрелого Достоевского представляет собой амбивалентный сплав экстремумов: свободы Богочеловека и «всё позволено» беса-нигилиста. Бесспорна также критика неправомерно широких трактовок экзистенциального, которое усматривают в любом тексте, где герои поставлены перед сложным выбором (С. 37-38). Тем не менее буквально через несколько страниц диссертант, на мой взгляд, некритично цитирует работу В.В. Заманской, отстаивающей весьма неопределенное понимание экзистенциального как «надысторического» и «общечеловеческого» явления (С. 43), т.е. прибегающей всё к тому же расширительному толкованию. Ни в коем случае не претендуя на

решение этой задачи¹, попробуем предположить, что специфика русской культурной ситуации, тонко осознававшейся Достоевским, заключалась в позднем выходе России из религиозной парадигмы, кратком и во многом декларативном просвещении и по окончании его – почти немедленной встрече с позитивизмом. Концепцию индивидуального, «уединенного» человека модерной эпохи Достоевский и Толстой могли поэтому выводить не столько из обширной, уже «отстоявшейся» традиции ренессансно-просветительского рационализма, сколько прямо сопоставлять ее с системой религиозных воззрений, находившейся у них, а еще более – у концептуализируемого ими «народа», в ближайшем бэкграунде. Поэтому для русского экзистенциального сознания так существенны имеющие в его контексте парадигмальное значение истории о «провонявшем старце» или, например, об Иване Ильиче. Таким образом, более сильный акцент соискателя на историзации изучаемых явлений был бы весьма желателен.

Между тем эстетический аспект экзистенциального самосознания выявлен в диссертации точно и убедительно. А.Н. Кошечко проецирует его на метапозицию художника, запускающую бесконечную цепную реакцию своеобразных встреч сознаний в пространстве интерпретации. Из этого тезиса автор работы выводит и набор атрибутивных признаков экзистенциального сознания, находящего свое выражение в пластике и конкретике текста: это «пограничность», уединенность, апостасийность, «текущая процессуальность», ценностно-ориентированный тип личности, текстоцентричность (С. 45). Названные категории акцентируют динамически-переходный характер всего художественного мира писателя, его склонность к демонстрации и анализу знаменитых «надрывов», в которых сознание человека становится «текучим» и активно-становящимся.

Затем выделенные категории последовательно применяются диссертантом к ключевым содержательным слагаемым картины мира Достоевского. К таковым А.Н. Кошечко относит концепты *Бог, народ, семья, человек, сердце, Другой*. Здесь автору диссертации удастся убедительно соотнести более или менее отвлеченный концепт с конкретикой художественного текста, уйти от так мешающих современному достоевсковедению спекуляций в сферу строго научных, «позитивных» наблюдений – поэтому понятие «экзистенциальный текст» (С. 90) звучит на страницах работы и новаторски, и закономерно. В порядке пожелания к этому разделу хотелось бы заметить, что рассуждения о православной аксиологии (С. 129 и сл.) могли бы быть подкреплены

¹ См. на эту тему работы М. Фуко об эпистемологии, труды В. Тьюпы о менталитетной компаративистике, историко-литературные исследования М.Л. Гаспарова.

экскурсом в проблему «Достоевский и католицизм». К тактическим недочетам главы я бы отнес объемную цитату из опуса скандального и весьма неумного публициста А. Невзорова (С. 151). Его высказывание, конечно, характерно для определенной части современного отечественного дискурса, но в таком случае это стоило бы оговорить – ведь сама по себе реплика журналиста не может быть объектом серьезных возражений ввиду ее интеллектуальной несостоятельности. Кроме того, касаясь социо-исторической части воззрений Достоевского и в целом убедительно рассуждая о концепте *народ*, исследователю, на мой взгляд, не удалось уклониться от некоторой эссенциализации своего предмета. Акцент Достоевского на православии как основе культурно-конфессиональной идентичности закономерен именно в восточно-европейском контексте, в котором по причине слабости общественных институций, а порой даже и отсутствия самих государств в их современных очертаниях идентичность выводилась не столько из идеи политической нации, сколько из этнографической оригинальности. Колоритная русская специфика давала Достоевскому в этом смысле множество весомых аргументов.

Вторая глава диссертации посвящена поэтике бытового и социального поведения Достоевского, которое рассматривается с точки зрения экзистенциального сознания. Изыскания А.Н. Кошечко в области ранних этапов биографии писателя весьма интересны, они проливают свет на прежде неизвестные аспекты формирования стилевой манеры будущего создателя «Бедных людей» (показательно сравнение романа с письмами Михаила Андреевича – С. 215-216). В центре внимания литературоведа находится здесь известная коллизия отношений юного Достоевского с отцом. Соискатель безусловно прав, когда подчеркивает патриархальный характер семейства (С. 233), однако, думаю, что оригинальность экзистенциального мироощущения будущего художника предстала бы на страницах работы еще более рельефно, если бы точное наблюдение о постоянной боязни отца разориться окончательно (С. 235) было развернуто в картину экзистенциальной драмы: ведь недаром Михаил Андреевич настраивал своих детей именно на самостоятельное «пробивание» себе «дороги». Здесь (особенно в эпизодах обучения в пансионе – С. 243 и сл.) также ожидаемы со-противопоставительные аналогии с автобиографической трилогией Толстого.

Новаторским является изучение соматического состояния Достоевского как ключевого фактора его экзистенциального сознания. Автор работы убедительно и всесторонне показывает переживание писателем своей эпилепсии как особый душевный сю-

жет – параллельный его художественным текстам и находящий в них многообразные отражения. Продуктивно сравнение внезапных приступов болезни с *игрой* (С. 268 и сл.) и вообще объяснение игры как феномена чистого везения: А.Н. Кошечко верно противопоставляет игры по правилам, которые Достоевский презирал, рулетке, которой он был одержим именно ввиду непредсказуемости результата, – т.е. в рулетке Достоевский воссоздавал для себя экзистенциальную ситуацию, в предельной степени характеризующуюся незавершенностью, открытостью и пограничностью. Осталось, впрочем, не до конца понятным, присоединяется ли диссертант к известной позиции З. Фрейда, т.к. на С. 269 она пишет, в общем, во фрейдовском ключе: «...мотивация Достоевского к игре была вызвана тем же деструктивным импульсом, что и эпилептические припадки – всепоглощающим, разрушительным чувством вины, которое компенсируется проигрышем как формой самонаказания»?

Исследование экзистенциальной основы мироощущения писателя продолжено в биографическом сюжете об участии в кружке Петрашевского. Ярким и убедительным экскурсом здесь является установление переключек между воспоминаниями о Спешневке и позднейшим образом Ставрогина из романа «Бесы». А десятилетнее пребывание Достоевского в Сибири соотносится с сюжетом уединения и перерождения – в новом окружении (каторжники как «народ грубый, раздраженный и озлобленный») и под воздействием нового духовного вызова – каждодневного чтения Евангелия. Экзистенциальный модус мироощущения и строение сюжета, прямо выводящее нас к поэтике «Записок из Мертвого дома», продемонстрированы в этих разделах работы весьма убедительно.

Наблюдения, предложенные во второй главе, вплоть до оканчивающих ее сюжетов, посвященных семейной и социальной коммуникации писателя, позволяют увидеть во многом нового Достоевского, посмотреть на него не через привычную призму художественного текста, а через эго-документ, показывающий, насколько естественной в его случае была экзистенциальная природа мироощущения, насколько глубоко в повседневность уходили корни поэтики.

Логично, что третья глава подводит нас именно к главным произведениям писателя, хотя нельзя сказать, что в двух предыдущих разделах мы видели только Достоевского-философа, пациента, заключенного или семьянина – диссертанту удалось ни разу не выпустить из рук главную нить работы: стремление понять Достоевского-романиста. Материал заключительной главы поэтому во многом подводит итог глав-

ным аналитическим решениям и эвристичным наблюдениям, встретившимся нам ранее. От эпистолярия молодого Достоевского к его «письменным книгам» и далее к рефлексам сентиментализма и романтизма в прозе начального этапа – таков охват материала, предложенного читателю. Кульминационными разделами главы стали параграфы, посвященные сопоставлению русского писателя с Камю, а также экскурс в виктимологическую подоплеку художественной и человеческой ментальности создателя великого пятикнижия. Если наблюдения, касающиеся темы преступления и наказания у русского и французского авторов, в целом бесспорны, то анализ виктимологического дискурса требует, на мой взгляд, некоторых уточнений – прежде всего касающихся научного инструментария работы. Материалом исследования здесь является «Дневник писателя», жанровая и композиционная пестрота и неоднородность которого освещена А.Н. Кошечко весьма удачно (С. 379 и сл.). Между тем важнейшим для виктимологической темы «Дневника...» являются рассказы об убийствах и самоубийствах (С. 386 и сл.) – крайних проявлениях сплошной «пограничной ситуации», которую переживала пореформенная Россия. Думаю, что А.Н. Кошечко могла бы еще более удачно раскрыть эту тему, если бы учла книгу И. Паперно «Самоубийство как культурный институт» (М., 1999), содержащую в себе три главы о Достоевском, две из которых посвящены ему как автору «Дневника писателя».

Подводя итог этой рецензии, замечу, что томским исследователем написана, вне всякого сомнения, новаторская работа. Индивидуальный вклад соискателя обусловлен тем, что впервые столь целостно экзистенциальное сознание Достоевского было представлено на уровне знаковой репрезентации – текстуальной, поведенческой и в широком смысле коммуникативной. Можно сказать, что после докторской диссертации А.Н. Кошечко некоторая «фантомность» и мнимая самоочевидность связки понятий «Достоевский» и «экзистенциализм» сменилась трезвым пониманием структурных основ мироощущения художника, в которых берут свое начало сюжеты его главных романов. Основные концептуальные решения, предложенные в работе, всесторонне обоснованы – они обусловлены высоким уровнем теоретико-методологической подготовки соискателя, исчерпывающим количеством привлеченных им источников. Эти же обстоятельства сообщают надежность тем выводам, к которым приходит автор работы. Нет никаких сомнений, что диссертация А.Н. Кошечко будет положительно воспринята в сообществе специалистов по творчеству Достоевского, а содержащиеся в

ней конкретные положения и наблюдения внесут существенный вклад в развитие современного литературоведения.

Всё сказанное выше позволяет нам заключить, что диссертация «Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, ориентированной на выявление и описание концептосферы, поэтики и житнетворческой репрезентации экзистенциального сознания Достоевского, задачи, имеющей принципиальное значение для развития филологии и, в частности, литературоведческих исследований, посвященных истории, теории и поэтике русской литературы XIX века. Работа соответствует требованиям, изложенным в действующем «Положении о присуждении ученых степеней» (пункты 9, 10 и 11), а ее автор, Анастасия Николаевна Кошечко, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

19 февраля 2015 г.

Анисимов Кирилл Владиславович,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка,
литературы и речевой коммуникации
Института филологии и языковой
коммуникации Федерального
государственного автономного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Сибирский федеральный университет»,
660041, г. Красноярск, проспект Свободный, 79
(391) 223-07-27, kianisimov2009@yandex.ru

